

Аналіз художнього тексту і цілісність художнього твору

УДК 821.511.111

DOI: 10.26565/2227-1864-2019-83-09

Особенности репрезентации островного текста в повести Туве Янсон «Летняя книга»

Е. Ю. Перинец

*кандидат філологічних наук, старший викладач
кафедри мовної підготовки І міжнародного факультету,
ДЗ «Дніпропетровська медична академія МОЗ України;
e-mail: katrinperinets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3221-3070>*

В статье исследуется специфика репрезентации островного текста в повести Туве Янссон «Летняя книга». Опираясь на работы по изучению и описанию локальных текстов, островной текст рассматривается как сверхтекстовое целое, знаковая манифестация острова, отраженная в произведении финской писательницы. В качестве конституционных признаков островного текста повести выделены мифологема рая, мотивы жизни/смерти, рождения/увядания, взросления/старения и специфическая «островная ментальность» героев.

Выявлено, что соотнесение образа рая с образом острова актуализирует центральную для произведения мифологема рая, центрирующую и соединяющую воедино мотивы островного текста повести. Освоение этого сакрального райского пространства приводит к упорядочению жизни островитян и к их гармоничному сосуществованию. С другой стороны, традиционная для островной литературы мифологема рая может интерпретироваться по-другому – настоящим раем становятся детские годы, проведенные на острове-доме.

Магистральными мотивами островного текста «Летней книги» представляются мотивы рождения/увядания, взросления/старения, буквально воплощенные в образах девочки и бабушки; природы летом и природы осенью. Важную сюжетообразующую функцию выполняет актуализация мотива жизни/смерти, когда семья тяжело переживает утрату мамы Софии, а сама девочка учится принимать законы бытия. Таким образом, реализуется мифологический хронотоп, отличающийся цикличностью и воспроизводимостью.

Показано, что «островную ментальность» героев определяет оппозиция свой/чужой. Островитяне подчиняются своим законам и отторгают «других», не принимающих их амбивалентное мироощущение. Естественной границей на пути к острову выступает топос моря, связанный как с космогоническими, так и с эсхатологическими мотивами.

Ключевые слова: локальный текст, островной текст, мифологема, мотив, ментальность, топос

Перинец К.Ю. Особливості репрезентації острівного тексту в повісті Туве Янссон «Літня книжка»

У статті досліджується специфіка репрезентації острівного тексту в повісті Туве Янссон «Літня книжка». Спираючись на роботи з вивчення локальних текстів, острівний текст розглядається як надтекстова єдність, знакова манифестація острова, оприявлена у творчості фінської письменниці. В якості конституційних ознак острівного тексту повісті виявлені мифологема раю, мотиви життя/смерть, народження/зів'янення, дорослішання/старіння та специфічна «острівна ментальність» героїв.

Виявлено, що співвіднесення образу раю з образом острова актуалізує центральну для твору мифологема раю, що об'єднує в єдине ціле мотиви острівного тексту повісті. Освоєння цього сакрального райського простору приводить до впорядкування життя остров'ян і до їх гармонійного співіснування. З іншого боку, традиційна для острівної літератури мифологема раю може бути інтерпретована по-іншому – справжнім раєм стають дитячі роки, проведені на острові-будинку.

Магістральними мотивами острівного тексту «Літньої книжки» є мотиви народження/зів'янення, дорослішання/старіння, буквально втілені в образах дівчинки та бабусі; природи влітку та природи восени. Важливу функцію виконує актуалізація мотиву життя/смерть, коли сім'я важко переживає втрату мами Софії, а сама дівчинка вчиться приймати закони буття. Таким чином, реалізується мифологічний хронотоп, що відрізняється циклічністю та постійним повторенням.

Показано, що «острівну ментальність» героїв визначає опозиція свій/чужий. Остров'яни підкоряються своїм законам та не приймають «інших», які не розуміють їх амбивалентне світлоощущення (відкритість та закритість одночасно). Природною межею на шляху до острова виступає топос моря, пов'язаний як з космогонічними, так і з есхатологічними мотивами.

Ключові слова: локальний текст, острівний текст, мифологема, мотив, ментальність, топос

Perynets K.Yu. Features of representation of Island Text in Tove Jansson's story «The Summer Book»

Features of representation of Island Text in Tove Jansson's story «The Summer Book» studied in this article. Based on the work on the study and description of Local Texts, the phenomenon of Island Text is considered as supertext whole, the symbolic manifestation of the island, reflected in the work of the Finnish writer. The mythologeme of paradise, the motives of life/death, birth/wilting, growing up/aging and the specific «island mentality» of the heroes are highlighted as constitutional features of Island Text of the story.

It was found out that correlation of the image of paradise with the image of the island actualizes the mythologeme of paradise, which is central for the work and unites the motives of Island Text of the story. Exploration of this sacred paradise space leads to the regularization of the life of the islanders and their harmonious coexistence. On the other hand, the mythologeme of paradise, which is traditional for island literature, can be interpreted in a different way – childhood spent on the island-home become real paradise.

The motives of life/death, birth/wilting, growing up/aging are the main motives of Island Text of «The Summer Book», they are literally embodied in the images of a girl and a grandmother; nature in summer and nature in autumn. Thus, the mythological chronotope is realized, characterized by cyclicity and reproducibility.

It is shown that the «island mentality» of the heroes is determined by the concept of ours/stranger. The islanders obey their laws and reject the «others» who do not accept their ambivalent attitude. The topos of the sea is the natural border on the way to the island, associated with cosmogonic (water is a life) and with eschatological (water can bring a death) motives.

Keywords: Local Text, Island Text, mythologeme, motive, mentality, topos

Постановка проблемы. Уже не первое десятилетие в литературоведческой науке ведется активная работа по исследованию определенных пространственных структур – локальных текстов. Импульсом к изучению феномена послужила известная работа В. Топорова, в которой вычленяются «субстратные» элементы, лёгшие в основу петербургского текста. Эта концепция оказалась удивительно продуктивной моделью, что привело к появлению целого массива исследований локальных текстов в украинской (С. Андрусив, Л. Оляндер, В. Левицкий, О. Харлан и др.) и российской (Н. Меднис, В. Абашев, М. Селеменова, А. Люсий, Е. Андрюкова, Н. Малыгина, Д. Бураго, Е. Перинец и др.) литературе.

Стратегии выделения и описания локальных текстов в работах учёных осуществляются различными подходами, но их объединяет магистральная идея о том, что локальный текст представляет собой корпус «текстов о месте», где само «место» наполняется дополнительными характеристиками. Локальный текст может формироваться как вокруг городов (петербургский, московский, киевский, львовский и др.), так и вокруг регионов или внегородского пространства (волинский, крымский, слобожанский, провинциальный и др.). Локальные тексты, образуя многослойные сверткоструктуры, одновременно могут выступать как текст культуры (город, местность как текст) и текст литературы.

Подобная художественная трактовка применима к ещё одной пространственной модели – острову. Остров, прочитанный как текст, и выступающий текстом литературы, образует свой особый текстовый «пласт» – островной текст. Выявление подобного художественного феномена в прозе финской писательницы Туве Янссон окажется продуктивным как для исследования нового сверткострукста, так и для ее творчества в целом.

Анализ последних исследований и публикаций. Особый статус острова и его жителей, отображаемый в островных сюжетах, рассматривается в работе Т. Цивьян [6]; не менее значимой является диссертация Л. Горницкой [1], где подробно исследуется мифологема острова в русской литературе. Вопрос о выделении островного текста и особенностей его символики поднимается в статье Л. Морской [3]. Как видим, спорадические попытки описать и исследовать

островной текст нуждаются в более глубоком анализе.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. В творчестве финской писательницы Туве Янссон проблема островного текста не освещалась, по крайней мере подобных работ на русском языке найти не удалось. Повесть «Летняя книга» (1972) вообще осталась вне фокуса литературоведческого анализа, что свидетельствует о новизне и перспективности работы в этом направлении.

Целью данной публикации является выявление особенностей репрезентации островного текста в повести Туве Янссон «Летняя книга».

Изложение основного материала. В Финляндии насчитывается 789 островов, соединенных с материковой частью дорогами или сообщающихся посредством транспорта. Таким образом, остров, с одной стороны, является частью «большой земли», а, с другой, сохраняет своё географическое и символическое значение – оторванности, изолированности от остальной сухопутной территории. Подобная двойственность запечатлена в повести Туве Янссон «Летняя книга», где остров становится «обитаемым» в летние месяцы, являясь аналогом дачи, а в остальное время – «закрытым», непригодным для жизни местом.

Можно предположить, что повесть имеет автобиографические черты, так как сама писательница проводила свое детство на небольшом островке, а затем и жила на купленном ею острове. Но тем не менее художественный двойник реального острова показан достаточно условным местом, на котором располагается дом-дача такой же «условной» семьи. Автор не называет их имён, ограничиваясь общей номинацией «бабушка», «отец», «мама», «подруга», «сосед». Конкретное имя есть лишь у центрального персонажа произведения – девочки Софии, образ которой совмещает как типичные, так и реальные (автобиографические) черты. Поэтому, в первую очередь, для становления её характера и естественного взросления важен тоpos острова, образ которого обладает своим набором символических знаков. Здесь она учится плавать (глава «Утреннее купание»), выращивать цветы (главы «Сад», «Большая пластиковая кишка»), общаться с новыми друзьями и соседями (главы «Вероника», «Сосед», «Визит»). Главной функцией островного пространства становится возможность научить ребенка чувствовать окружающий мир, а также жить в гармонии с природой и принимать ее законы.

Автор не показывает «материковой» жизни этой семьи, в фокусе писательницы оказывается их

летнее пребывание на даче-острове. В каждое новое посещение София становится старше и мудрее, что согласуется со скандинавскими фольклорными традициями, в которых посещение острова уподобляется инициации героя [4, с. 42]. По такому же принципу строятся тексты путешествий, связанные с островами, – это путь с материка на остров [6, с. 155]. Если в первой главе София охарактеризована «маленькой», и начинается действие в «тёплом раннее июльское утро» [7, с. 5], то в последней – девочка становится старше, а события происходят в августе, когда «на дворе лето, но оно уже отжило своё» [7, с. 147].

Немаловажным аспектом художественной репрезентации взросления Софии являются её страхи и переживания в начале повести, когда остров с заколдованным лесом представляется ей большим и страшным, а в её снах «остров постепенно наступал на их дом, все ближе и ближе» [7, с. 9]. Чувство страха и незащищенности сменяются мнимым (а для ребёнка реальным) ощущением власти над стихией и над островом: «Больше не существовало ни материка, ни других островов, только этот маленький клочок суши, окруженный водой, безнадежно отрезанный грозным штормом от остального мира и забытый всеми, кроме Бога, выполняющего просьбы» [7, с. 138]. Символично, что в последней главе бабушка как будто в последний раз любуется природой острова, что намекает на быстротечность человеческой жизни, в то время как остров после их отъезда «насколько это возможно, предстает в первоизданном виде» [7, с. 148]. Таким образом манифестируется мотив *рождения/увядания, взросления/старения* в островном тексте «Летней книги». Такую же сюжетообразующую функцию выполняет актуализация мотива *жизни/смерти*, когда семья тяжело переживает утрату мамы Софии, а сама девочка учится принимать законы бытия.

Бесконечные диалоги между Софией и её бабушкой акцентируют на проблеме взросления и воспитания ребёнка и раскрывают его внутренний мир. В детском сознании только формируется представление о рае и аде, боге и дьяволе, но в то же время эта отсылка к библейскому учению играет важную роль в формировании островного текста повести. Так, бабушка объясняет внучке, что «рай похож на этот сад» [7, с. 31] (сад на острове), что согласуется с функциями островного пространства в литературном произведении, где его пространство «используется для исследования и создания мостов между миром реальным и миром воображаемым. Остров часто принимает форму утопии/дистопии, Эдема, Аркадии, некоего государства, метатекста, места пересечения культур» [3, с. 113]. Следовательно, соотношение образа рая с образом острова актуализирует центральную

для произведения *мифологему рая*, центрирующую и соединяющую воедино мотивы островного текста повести. Для героев повести упорядочение космоса души становится невозможным без освоения этого сакрального райского пространства [8, с. 397].

Обособленность особого пространства острова-рая подчёркивается островным укладом жизни и характером её обитателей. Показательна в этом ракурсе глава «Вероника», с самого начала повести дающая представление о мироощущении островитян. Девочка Вероника страдает от привычек обитателей острова, в особенности своей сверстницы Софии. Суть их постоянных ссор и обид поясняет бабушка: «Здесь жителям было невдомек, что девочке непривычен сам их размеренный быт, в такт медленному летнему ритму. Больше, чем моря, шума деревьев в ветреную ночь и муравьев, она боялась их самих с их особым укладом жизни» [7, с. 24]. Таким образом, остров и островитяне «отвергают» чужаков, в особенности тех, кто не готов подчиняться заведенному порядку. Эту характерную черту островных жителей подчеркивает Т. Цивьян: «Особость острова, не только реального, но и метафорического, острова как знака распространяется на его жителей; поэтому правомерным является говорить об островной ментальности, на которой лежит печать той же двойственности, одновременно открытости и закрытости, осознания собственной уникальности» [6, с. 155]. Подобная амбивалентность нарочито манифестируется автором: «Жизнь на острове, в которой всем определены свои роли, все имеет свое, и только свое, место, может показаться ужасной человеку со стороны. Она проходит согласно раз и навсегда заведенному ритуалу, на самом деле столь прихотливому и случайному, что можно подумать, будто мир кончается за горизонтом» [7, с. 25]. Ощущение «будто мир кончается за горизонтом» в особенности в летнее время удивительно точно характеризует «островную ментальность» героев, оторванных и изолированных от большой земли и чувствующих полное единение с природой в пределах своего острова-дома-рая. Любое вторжение на их территорию рассматривается как посягательство на их свободу: «Мы хозяева острова, а все остальные пусть убираются восвояси» [7, с. 27]. Закономерно, что в островном тексте «Летней книги» оппозиция *свой/чужой* не только определяет природу локального текста, но и вписывается в рамки созданного райского образа.

Топос моря оказывается физической и метафорической границей островного Эдема, выполняя как созидательные, так и разрушительные функции. Помимо его естественной функции (места, откуда вылавливают рыбу), в повести оно наполняется символическим значением, связанным с космогоническими и эсхатологическими представлениями. Жизнь островитян подчинена «настроениям» моря, что особенно заметно на примере поведения Софии, у которой наблюдаются

частые смены настроения и переменчивые состояния. С другой стороны, море таит в своих глубинах много опасностей, а необузданная стихия может стать причиной гибели людей: «Живя у моря, необходимо обладать знаниями, воображением и быть всегда начеку» [7, с. 64]. Немаловажным в этом контексте является упоминание о Венеции, города, который «постепенно погружается в море» [7, с. 36]. Стоит отметить переключки с венецианским текстом, ядерным субстратом которого являются эсхатологические мотивы [2], обыгрываемые писательницей в произведении. В мифологическом контексте путь по воде (с материка на остров) означают путь в иной мир, акцентируя на обособленности острова-рая.

Выводы. Островной текст представляет собой сверхтекстовое целое, знаковую манифестацию острова, отраженную в художественных произведениях этой тематики. Одним из вариантов репрезентации островного текста является повесть Туве Янссон «Летняя книга». Конституционными признаками островного текста произведения можно назвать *мифологему рая, мотивы жизни/смерти, рождения/увядания, взросления/старения и специфическую «островную ментальность» героев.*

Ключевыми мифологемами, формирующими островной текст, становится

представление об острове как о рае, Эдеме, Аркадии, где люди научились жить в согласии и в гармонии с природой. Но автор вносит в традиционную схему новые коннотации: детство как лучший период жизни человека представляется настоящим раем, а остров – местом, где возможно понять и почувствовать эту истину. Поэтому немаловажным мотивом островного текста «Летней книги» представляются мотивы *жизнь/смерть, рождения/увядания, взросления/старения*, буквально воплощенные в образах девочки и бабушки; природы летом и природы осенью. Реализуется *мифологический хронотоп*, который «отличается цикличностью, воспроизводимостью, его пространственно-временные образы синкретичны» [5, с. 48].

Оппозиция *свой/чужой* определяет «островную ментальность» героев, подчиняющимся своим законам и довольно сурово относящимися к «другим», не принимающих их амбивалентное мироощущение. В роли естественной границы на пути к острову выступает *топос моря*, связанный с космогоническими (вода – это жизнь), так и с эсхатологическими (вода может нести гибель) мотивами. Представляется, что более детальное исследование топоса моря в повести Туве Янссон «Летняя книга» (в сопоставлении с другими литературными произведениями) окажется **перспективным направлением** дальнейшего анализа островного текста.

Литература

1. Горницкая Л. Мифологема острова в русской литературе: генезис, структура, семантика: автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.01.01. Волгоград. 2012. 19 с.
2. Меднис Н. Сверхтексты в русской литературе. URL : <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=7> (дата обращения: 02.09. 2019).
3. Морская Л. Символика островного пространства в литературе // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 112–115.
4. Сафрон Е. Мифологема острова в скандинавском фольклоре // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. 2018. № 6 (175). С. 41–45.
5. Соловьева Н. Особенности пространственно-временной организации мифологической и сказочной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 48–54.
6. Цивьян Т. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. Москва: Наука. 2008. 390 с.
7. Янссон Туве Літня книжка: повість. Львів: Видавництво Старого Лева. 2017. 160 с.
8. Perynets K. The phenomenon of provinciality in the creative activity of V. Makanin // Молодий вчений. 2019. № 1 (65). С. 396–399.

References

1. Gornitskaya, L. (2012) Mifologema ostrova v russkoy literature: genesis, struktura, semantika [Mythologeme of the island in the Russian literature: genesis, structure, semantics]. PhD Thesis, Volgograd. [in Russian]
2. Mednis, N. Sverhteksty v russkoy literature [Supertexts in the Russian Literature]. [URL : <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=7> [in Russian]

3. Morskaya, L. (2014) Simvolika ostrovnogo prostranstva v literature [Symbolism of Islands in Literary texts]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. V. 14. Ch. 3. pp. 112–115. [in Russian]
4. Safron, E. (2018) Mifologema ostrova v skandinavskom folklore [Mytholegema of the island in scandinavian folklore]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 6 (175). pp. 41–45. [in Russian]
5. Soloveva, N. (2016) Osobennosti prostranstvenno-vremennoy organizatsii mifologicheskoy i skazochnoy kartin mira [The features of special-temporal organization of mythological and fabulous worldviews]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, № 10 (64). Ch. 3. pp. 48–54. [in Russian]
6. Tsiyyan, T. (2008) Antichnost. Yazyik. Znak. Mif i folklor. Poetika. [Antiquity. A Language. A Sign. Myth and folklore. Poetics.]. Moscow : Nauka. [in Russian]
7. Yansson, Tuve (2017) Litnya knizhka [The summer book]. Lviv : Vidavnistvo Starogo Leva. [in Ukrainian]
8. Perynets, K. (2019) The phenomenon of provinciality in the creative activity of V. Makanin. *Molodiy vcheniy*. № 1 (65). pp. 396–399.

Перинець Катерина Юріївна, кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри мовної підготовки І міжнародного факультету, ДЗ «Дніпропетровська медична академія МОЗ України» (вул. Володимира Вернадського, 9, Дніпро, Україна); e-mail: katrinperinets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3221-3070>

Перинець Катерина Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языковой подготовки I международного факультета, ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины» (ул. Владимира Вернадского, 9, Днепр, Украина); e-mail: katrinperinets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3221-3070>

Perynets Kateryna Yuriivna, PhD in Philology, A Senior Teacher, SI «Dnipropetrovsk Medical Academy of the Ministry of Health of Ukraine», the I International Faculty, the department of Language training; (9, Volodymyr Vernadsky str., Dnipro, Ukraine); e-mail: katrinperinets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3221-3070>